

КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ

Юрий ВАКСМАН:
Живое искусство
вне конкуренции

О том, что театр не выдержит конкуренции с другими видами искусства, заговорили около 150 лет назад, когда появился кинематограф. Затем самое классическое из всех драматических искусств хоронили еще как минимум трижды: с появлением радио, телевидения и, наконец, Интернета. Всякий раз прогнозы сбывались «с точностью до наоборот» – зритель неизменно возвращался к живым актерам и реальным декорациям. О том, почему происходит именно так, мы говорим с актером, режиссером и продюсером Юрием Ваксманом

– Юрий Михайлович, позвольте начать с прямого вопроса: зачем сегодня идти в театр, если практически любую постановку можно посмотреть, буквально не вставая с дивана?

– Наверное, потому, что, не вставая с дивана, смотреть ее нет особого смысла. Театр – искусство, которое происходит «здесь и теперь». Каждый выход актеров на сцену – это новый спектакль: даже если актеры не импровизируют, а режиссер твердо придерживается драматической основы. Потому что внутренний рисунок каждой роли у каждого актера меняется всякий раз. Можно три раза подряд прийти на одну и ту же постановку и увидеть три совершенно разных спектакля. Театр будет жить потому же, почему самые современные технологии звукозаписи не уничтожили концертную деятельность: это живое искусство. Это вид прямого человеческого контакта.

Кстати, мое утверждение подтверждается статистикой: сегодня на спектакли лучших театров Москвы да и Ярославля не так-то просто попасть. Можно столкнуться с проблемой отсутствия билетов. В истории нашей страны бывали времена, когда интерес зрителей снижался, но не потому, что они находили альтернативу театру, просто не всегда хватало денег на билеты в семейном бюджете. Сегодня государство чуть более внимательнее стало относиться к нашему виду искусства, и это дает существенный эффект. Может быть, даже больший, чем ожидалось.

– Давайте взглянем на вопрос с другой стороны: с появлением радио и телевидения появились новые жанры – такие как радиоспектакль и телеспектакль. Как это сказалось на театре в целом?

– Это расширило его доступность для народных масс, но парадоксальным образом снизило к нему искренний интерес. Потому что в девяносто процентах случаев мы имеем дело с записью спектаклей. Это приводит к тому, что

зритель, сколько бы раз он эту постановку ни посмотрел, видит одно и то же. Пропадает эффект сопричастности к живому творчеству актера и режиссера.

Что же касается самих актеров, то здесь у них появилась возможность переснимать неудачные эпизоды, переозвучивать, заново монтировать. Мало того что это еще сильнее снижает тот самый эффект сопричастности, такой подход ближе к кинематографической и даже телевизионной школе, чем непосредственно к классическому театру. В настоящем театре иногда оговорка или смена ритма играет сильнее, чем любые спецэффекты.

Поэтому я бы не стал называть радио- и телеспектакли принципиально новым видом искусства. Это скорее побеги на театральном дереве. Ветки, идущие от ствола...

– Следом за телевидением и радио появился Интернет. Человек, разговаривающий с телевизором, во все времена выглядел, мягко говоря, странно, но в сети общаются все. Сеть, если уметь ею пользоваться, может предоставить любую информацию. Насколько это изменило театр – искусство в общем-то весьма и весьма консервативное по сути?

– Тут есть два аспекта. Первый – доступность информации для любого студента театрального вуза, который готовится стать профессионалом. Теперь студент может колоссально быстро знакомиться с любыми школами и направлениями искусства: можно, например, посмотреть уроки Ежи Гротовского, которого уже и самого нет в живых, я даже не уверен, существует ли в неизменном виде его школа. Можно увидеть репетиции и спектакли Анатолия Эфроса... Это огромный плюс, поскольку перед началом карьеры актеру необходимо накопить неимоверное количество знаний, которые впоследствии станут базой для его мастерства.

И есть такого же размера минус – из-за доступности Интернета как среды. В сети каждый

может высказаться, что порождает очень много шелухи и, как это принято сегодня говорить, фейков – сведений, которые маскируются под вроде бы общеизвестные факты, ими не являясь. Вот это уже может быть опасным – на таком фундаменте мастерство скорее утратишь...

– Можно ли говорить о том, что несколько поколений советских актеров потому и остались недостижимы в своем мастерстве, что в их образовании не были заложены эти самые фейки?

– Я полагаю, это не основная причина, хотя уровень образования в нашей профессии, безусловно, был выше. Дело здесь, на мой взгляд, в другом: в Советском Союзе существовало понятие киноиндустрии, но не было конвейера, который возник из-за необходимости что-то показывать на трех-четыре десятках каналов. И если работа актера советских времен начиналась с построения образа, а продолжалась поисками средств того, как этот образ можно наиболее полно и достоверно раскрыть, то в нашей сегодняшней телевизионной и – в меньшей степени – кинематографической практике мы сталкиваемся с прямо противоположным. Режиссеры призывают к тому, что в кадре не нужно играть, а надо быть «предельно органичным». В итоге артист «предельно органично» и абсолютно одинаково играет доктора, милиционера и, допустим, вора – меняются только декорации и грим.

Вот, кстати, до театра эта тенденция не добралась и, будем надеяться, в силу его принципиальных отличий от телевидения не доберется. Хочется верить, что народ и потянулся обратно в театр за живым искусством.

Скажу больше: именно театр остается той школой, благодаря которой мы еще получаем профессиональных молодых актеров с достойным потенциалом. Есть еще, конечно, КВН. Правда, по моим наблюдениям, до

театральной сцены добираются только те его выходцы, которые проходят через профессиональную школу.

– Здесь просто нельзя не задать вопрос о современной драматургии. Когда-то шутили, что если всем обезьянам в мире дать по пишущей машинке, они в конце концов напишут «Войну и мир»...

– Да, но сколько бумаги они до того момента безвозвратно испортят! К сожалению, запросы от производителей, как сегодня говорят, «контента» определяют и лицо драматургии. Боюсь, что сегодня такие мастера своего дела, как Эмиль Брагинский, Алексей Арбузов, Виктор Розов, были бы вынуждены сменить профессию. Я и сам сегодня читаю сценарии почти исключительно по производственной необходимости, поэтому современную российскую драматургию знаю, к своему стыду, довольно поверхностно. И потому связываю сегодняшнее возрождение театра с надеждами на возвращение драматургии пусть не на советский, но хотя бы на средневропейский уровень.

На Западе, даже не придумывая ничего принципиально нового, умудряются писать пусть не блестящие, но по крайней мере толковые сценарии и пьесы. Даже в обычном «любовном треугольнике» необходимо развитие сюжета. Чтобы линии повествования не обрывались вопреки логике... Чтобы была какая-то интрига... Чтобы зрителю было кому и за что сопереживать.

Телевизионщикам это пока не нужно. А вот театральным коллективам, которые сегодня просто вынуждены играть много спектаклей по западным пьесам, такая драматургия насущно необходима уже сегодня. Когда она появится, мы будем говорить уже не о том, выживает ли российский театр в нынешнем мире, а о том, что ему в нем просто нет конкурентов.

Беседовал
Анатолий КОНОНЕЦ

ПЕРСПЕКТИВА

Общественность
желает знать

Общественная палата Ярославской области 4 октября провела встречу с художественным руководителем Волковского театра Сергеем Пускепалисом

Общественники активно отстаивали самостоятельный статус Первого русского весной этого года. Неудивительно, что теперь им захотелось узнать, каким видит будущее театра его новый худрук, а также донести ему свои мысли о перспективах искусства.

– Театр, как и футбол, – это то, в чем все разбираются, но на поле никто не выходит, – начал Сергей Пускепалис.

Тем не менее, как подчеркнул худрук, мнение общественности важно услышать. Члены Общественной палаты высказали свое мнение. Так, Анатолий Лисицын попросил Пускепалиса поддерживать контакты с Белградским театром – через культуру лучше всего развивать отношения между двумя народами. Валерий Томашов намекнул, что не хотелось бы видеть спектакли о любви двух мужчин. На это Пускепалис заметил, что в любви двух мужчин он ничего не понимает, он привык делать спектакли о том, что ему знакомо. Татьяна Крайкина попросила ставить побольше спектаклей для детей, а Светлана Лягушева – обеспечить доступ маломобильным зрителям. Валентин Степанов подчеркнул, что крайне важно выпускать литературно-художественное издание, где бы публиковались рецензии на спектакли.

Сергей Пускепалис отвечал на каждое предложение и замечание: иногда соглашался, иногда сообщал, что подобный проект уже планируется. Он напомнил собравшимся и о том, что в октябре начинаются открытые репетиции Шекспира, серия бенефисов, а также о том, что Волковский станет опорной площадкой федерального проекта «Культурный норматив школьника». Кроме того, худрук сообщил, что прорабатывается возможность сделать передачу с телеканалом «Культура», где бы шли записи лучших российских театральных премьер.

На встрече рассказали и об открытии Дома актера в Ярославле. Впервые предложение о его создании прозвучало на встрече с Президентом Владимиром Путиным в декабре 2018 года в Ярославле. Сейчас составляют проектно-сметную документацию. В следующем году надеются на выделение финансирования. Сергей Пускепалис высказал пожелание открыть Дом актера к Дню театра – 27 марта.

Ольга СКРОБИНА